

В. ПОПОВ,
доктор экономических наук,
профессор Российской экономической школы

СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

Abstract

Why many transition economies succeeded by pursuing policies that are so different from the radical economic liberalization (shock therapy) that is normally credited for the economic success of central European countries? First, optimal policies are context dependent, they are specific for each stage of development and what worked in Slovenia cannot be expected to work in Mongolia. Second, even for countries at the same level of development, reforms needed to stimulate growth are different; they depend on the previous history and on the path chosen. The reduction of government expenditure as a share of GDP did not undermine significantly the institutional capacity of the state in China, but in Russia and other CIS states it turned out to be ruinous. The art of the policymaker is to create markets without causing the government failure, as happened in many CIS countries.

Keywords: transition, growth, path dependence.

Аннотация

Почему многие пост-коммунистические страны преуспели, проводя политику, сильно расходящуюся с радикальной экономической либерализацией (шокотерапией), которую обычно считают причиной экономического успеха стран Центральной Европы? Во-первых, оптимальный набор мер экономической политики зависит от конкретных условий – от уровня экономического развития и качества институтов, так что то, что «работает» в Словении, не обязательно должно сработать в Монголии. Во-вторых, даже для стран с одинаковым уровнем развития оптимальный набор мер экономической политики может различаться: он зависит от предшествующей истории, от того, насколько эти меры вписываются в русло развития, predetermined прошлыми шагами. Сокращение доли госрасходов в ВВП в Китае не ослабило существенно институциональный потенциал, но в России и других странах СНГ оказалось разрушительным. Искусство творцов экономической политики состоит в том, чтобы преодолеть как провалы рынка (market failure), так и провалы государства (government failure), чтобы создать работающие рынки, не подрывая потенциал государства, как это произошло в СНГ.

Ключевые слова: переходный период; экономический рост; развитие, predetermined прошлым.

Часто приходится слышать, что история – результат стечения, во многом случайного, множества обстоятельств. Некоторые из них мы можем изменить, а некоторые – нет, потому что предшествующие шаги уже направили развитие в русло, выйти из которого прямо сейчас невозможно (зависимость от траектории предшествующего развития, path dependent development).

Идея, на первый взгляд, стара как мир. Изюминка, однако, в том, чтобы понять, что именно мы можем изменить, а что нет. Как говорят, «Боже, дай мне разум и душевный покой. Принять то, что я не в силах изменить. Мужество изменить то, что могу. И мудрость отличить одно от другого»¹. Как отделить первое от второго в экономическом развитии?

Секрет успеха

В недавно опубликованной книге Гжегоржа Колодко, бывшего вице-премьера правительства Польши, «Мир в движении»², автор задается именно этим вопросом. Он предлагает «теорию стечения обстоятельств развития», чтобы дать ответ на вопрос, «больше, чем жизнь», - почему мир развивается так или иначе.

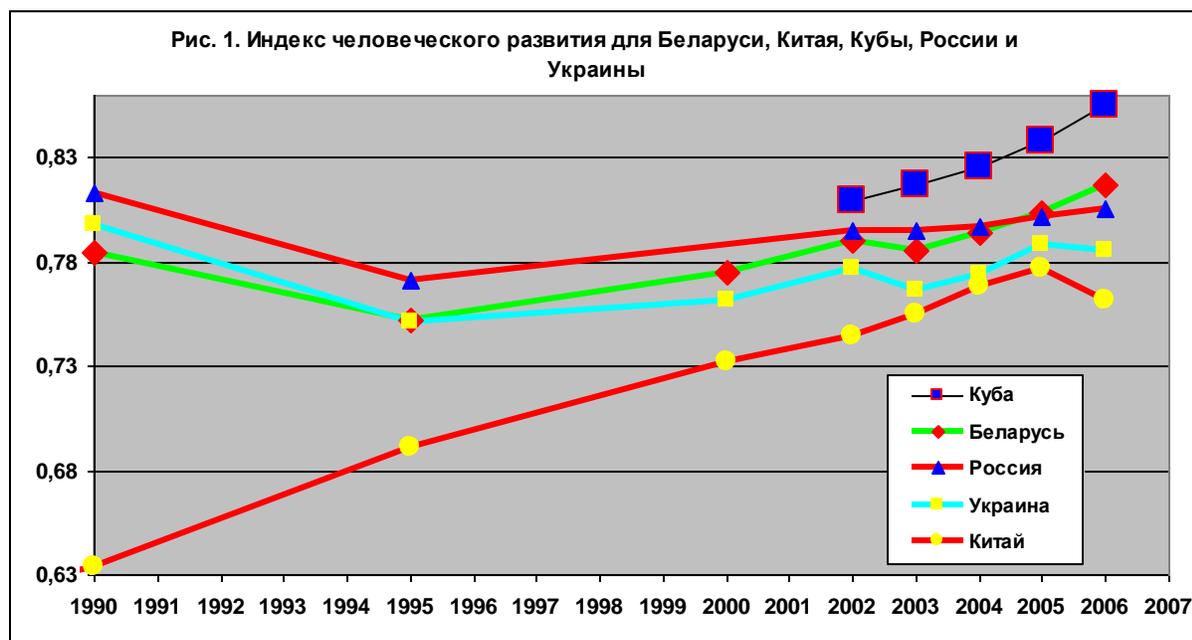
Глава 5, «Мир как он есть», посвящена сравнению стран по уровню экономического развития (ВВП на душу населения), продолжительности жизни, неравенству в распределении доходов (World Bank), показателю

---

¹ Это изречение известно как молитва «Анонимных алкоголиков». Автор афоризма – американский теолог Р. Нибур, признававший, впрочем, что нечто подобное люди говорили и до него (silkworth.net/aa/Serenity-Prayer-Origin.html).

² Колодко Г. Мир в движении. М.: Магистр, 2009. – 576 с. Далее в тексте – ссылки на страницы этой книги, если не указан другой источник.

сетевой готовности (Network Readiness Index, рассчитываемый World Economic Forum), индексу человеческого развития (Human Development Index, рассчитываемый UNDP), индексу экономической свободы (Heritage Foundation), уровню демократии (Freedom House). В рейтингах есть очень красноречивые несоответствия: скажем, в бывших социалистических странах более высокие продолжительность жизни и уровень образования, чем в схожих по ВВП на душу населения развивающихся странах. А социалистическая Куба по индексу человеческого развития занимает 50-е место в мире (с. 226). Кстати, с момента публикации книги Куба переместилась на 48-е место (более высокое, чем большинство постсоциалистических стран) и сейчас опережает Китай, Украину, Россию и даже Белоруссию (см. рис. 1).

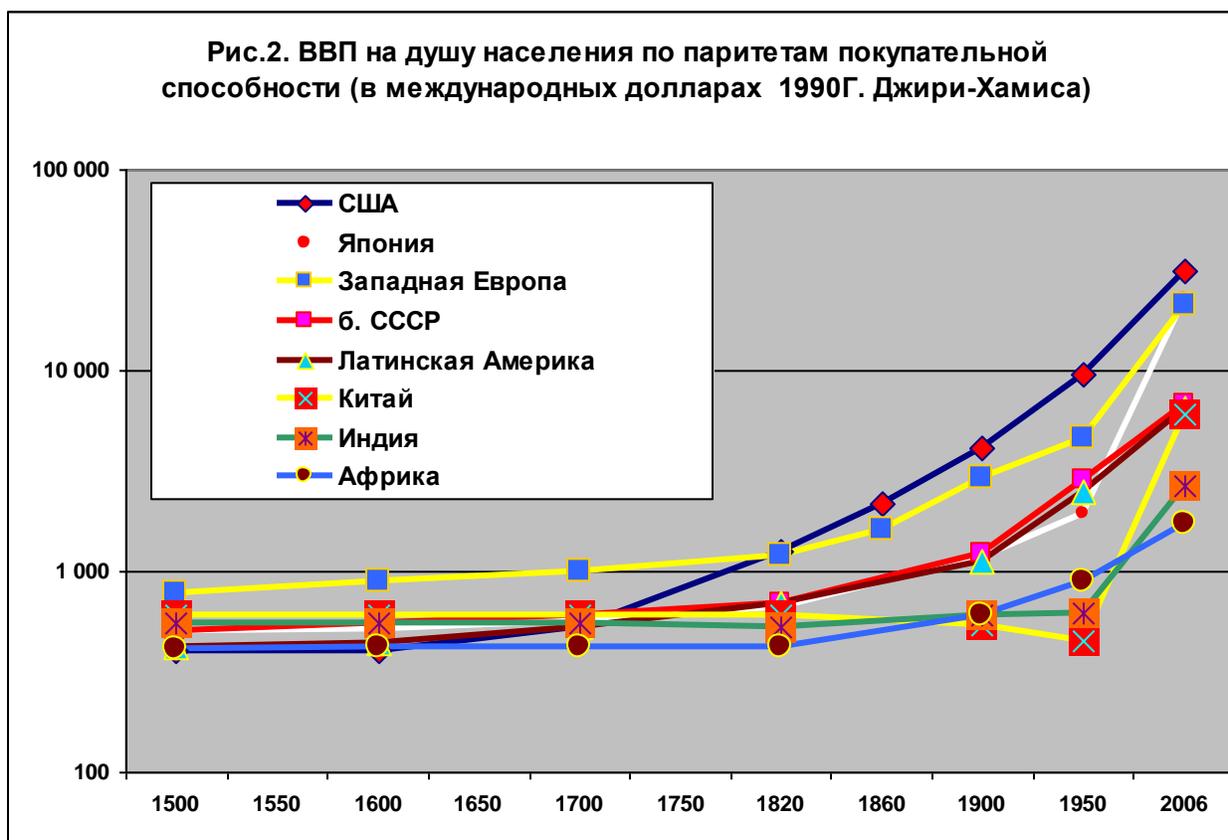
Источник: Human Development Report, 2008 / UNDP.

Рис. 1

Но в целом разрыв между богатыми и бедными странами в уровне душевого дохода сопровождается и разрывом в продолжительности жизни, уровнях образования, неравенства, экономической свободы, демократии и т. д. Как говорит автор, «беды ходят не только парами, но бывает, и сомкнутым строем» (с. 193).

Разрыв между Западом и остальным миром в уровне душевого ВВП увеличился с 1:1 в 1500 г. до 6:1 к 1900 г. и с тех пор не сокращался (см. рис. 2). Как же могут развивающиеся страны вырваться из тисков бедности? Скопировать западные институты – законы и правовые нормы, общественное устройство, экономическую и социальную политику? Здесь и разворачиваются основные дискуссии.

Покончить с отсталостью, догнать Запад за последние пятьсот лет удалось только пяти странам Восточной Азии, и лишь во второй половине прошлого века – Япония, Тайвань, Южная Корея, Сингапур и Гонконг относились к числу развивающихся стран еще в 1950 г., а теперь стали развитыми. Сокращают разрыв с Западом и другие государства Восточной Азии: Китай и страны ЮВА, а в последние два десятилетия – Индия (см. рис. 3). Почему же другим регионам глобального Юга (Африка, Ближний и Средний Восток, Латинская Америка) это сделать не удастся? Может быть, страны Восточной Азии копировали западные институты успешнее других? Ответ известен: общественное устройство и экономическая политика в восточноазиатских странах в период их быстрого роста были далеки от либеральных предписаний; в основном в них правили авторитарные режимы, проводившие активную промышленную политику.

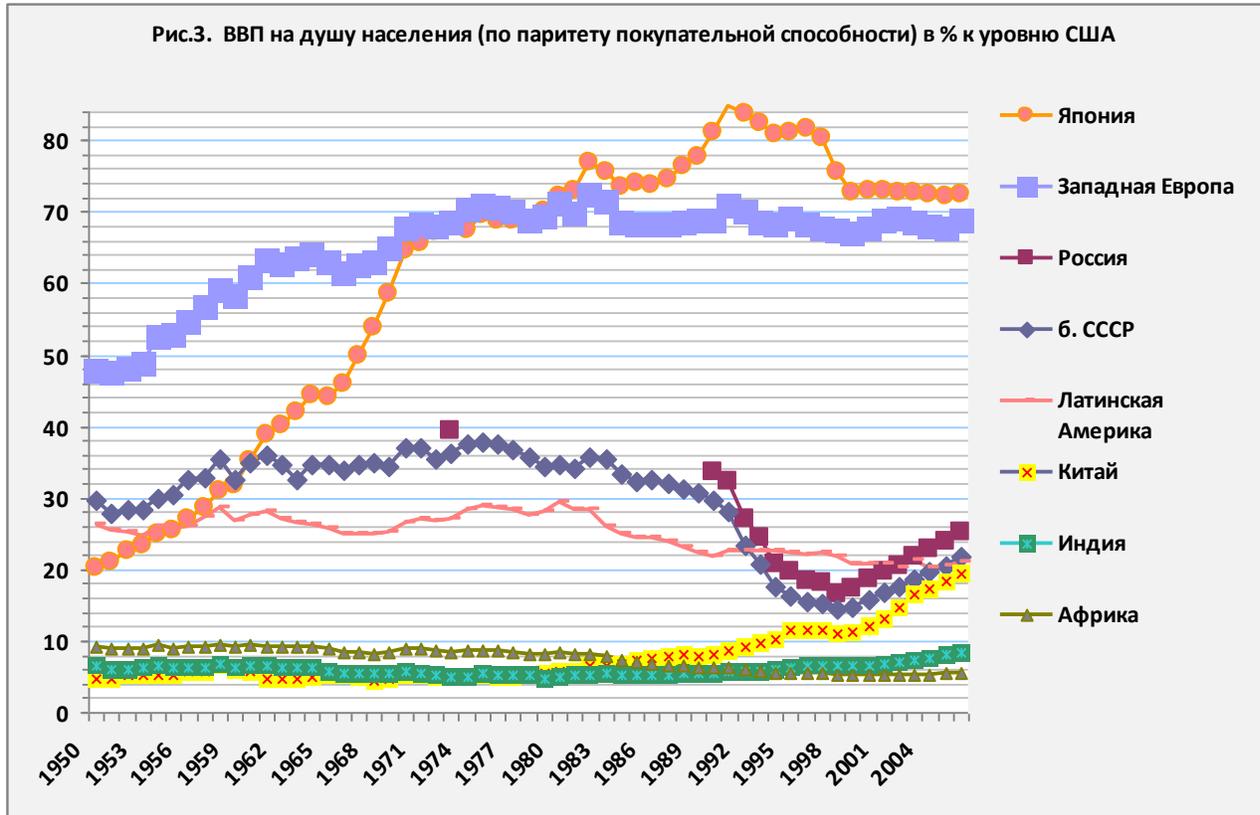

Источник: Maddison A. [Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1-2006 AD](http://www.ggdc.net/maddison/). 2008. www.ggdc.net/maddison/.

Рис. 2

Собственно говоря, и на постсоциалистическом пространстве наблюдаются такие же различия. Страны с более низким уровнем развития и правопорядка (Азербайджан, Белоруссия, Вьетнам, Казахстан, Китай, Туркменистан, Узбекистан) преуспели при авторитарных режимах, проводивших экономическую политику, очень далекую от либеральной, которая реализовывалась в странах Восточной Европы и считается причиной их экономического успеха. Напротив, страны со схожим уровнем экономического развития и правопорядка, но более демократические и либеральные (Грузия, Кыргызстан, Молдавия, Россия, Таджикистан,

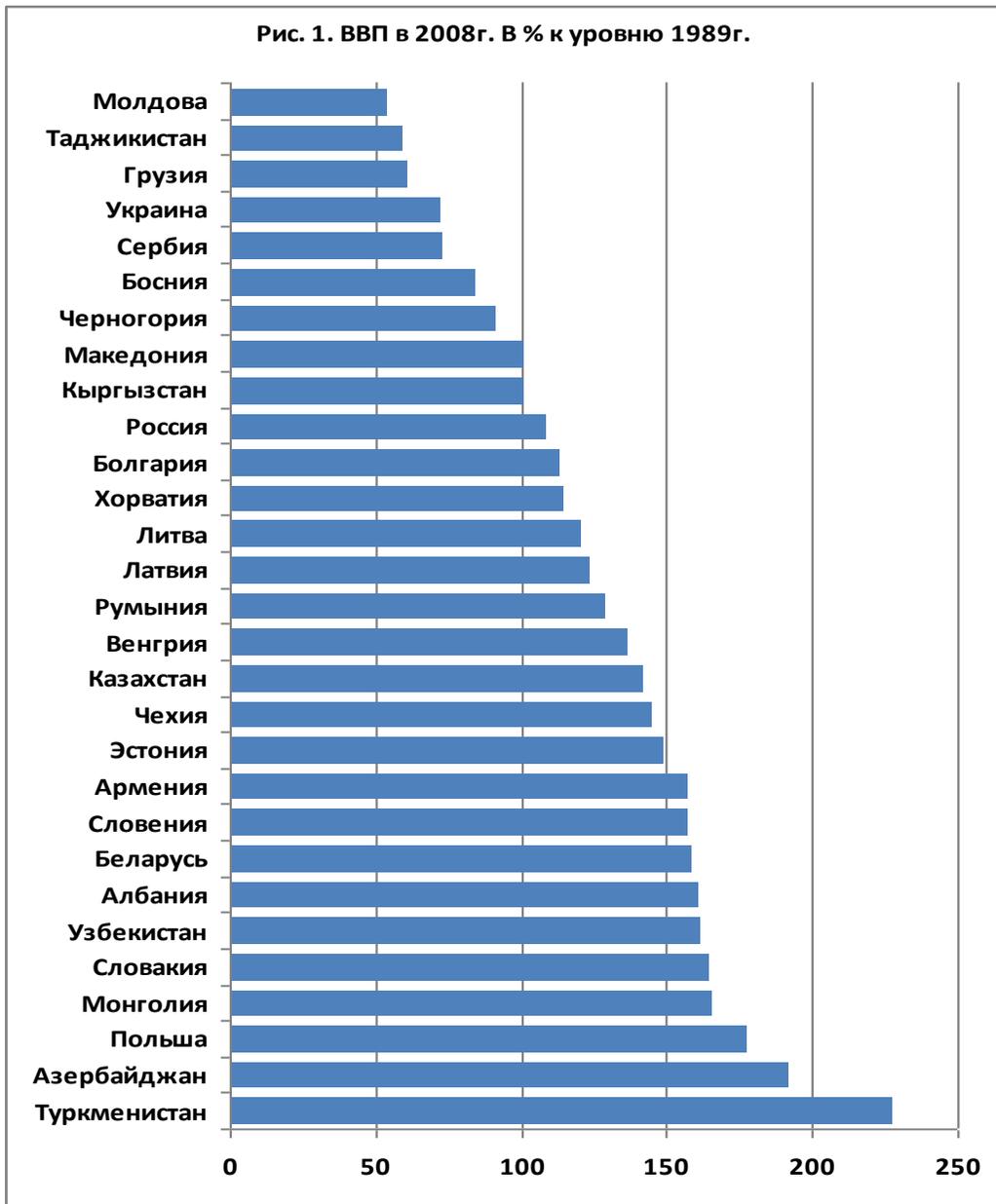
Украина), отстали как от Восточной Европы, так и от авторитарных и нелиберальных режимов (см. рис. 4).

Источник: Maddison A. Op. cit.

Рис. 3

Получается, что одни страны (Запад и Восточная Европа) добились успеха благодаря либеральным экономическим рецептам, а другие (Восточная Азия, Туркменистан, Белоруссия и др.) – вопреки им. Почему же экономический успех обеспечивают разные экономические системы и различная экономическая политика?

Источник: Transition Report 2008 / EBRD, 2008.

Рис. 4

Стадии развития и экономическая политика

Одно из объяснений состоит в том, что набор мер «хорошей политики» не универсален, а зависит от обстоятельств. «Стоит ... избавиться от универсальных теорий экономического роста, и распрощаться с интеллектуальной мечтой вывести, наконец, одну единственную всеохватную формулу», – пишет Колодко (с. 416). Проще говоря, что хорошо для развитой страны, не обязательно хорошо для развивающейся. Кажется, и эта идея тривиальна, особенно для неэкономистов, но до недавнего времени экономисты пытались найти универсальные эликсиры роста: конкурентные рынки, свободная торговля, низкая инфляция, частная собственность, защита прав на интеллектуальную собственность...

В последние годы, однако, появилось много работ, доказывающих, что в зависимости от уровня развития (ВВП на душу населения) и качества институтов одна и та же политика может либо способствовать росту, либо тормозить его. Сами западные страны во время промышленной революции XVIII–XIX вв., когда они вырывались из мальтузианской ловушки, проводили отнюдь не либеральную экономическую политику. В XIX в. фритредерство проповедовала только Англия – наиболее развитая страна тогдашнего мира (правда, лишь после отмены хлебных пошлин в 1848 г.), а практически все остальные страны, догонявшие Англию тогда и успешно догнавшие потом, включая США, проводили протекционистскую политику. Кембриджский экономист Х.-Дж. Чанг даже обвиняет Запад в том, что он «отбросил лестницу», после того как взобрался на вершину богатства, чтобы больше туда никто не поднялся³, то есть в том, что сегодня Запад старается

---

³ *Chang H.-J. Kicking Away the Ladder. London: Cambridge University Press, 2002.*

помешать развивающимся странам проводить ведущую к экономическому успеху нелиберальную политику, которую он сам широко использовал в XIX в.

Так, таможенный протекционизм стимулирует рост в развивающихся странах с относительно хорошими институтами (низкой коррупцией), поскольку потери потребителя, вынужденного покупать товары по завышенным ценам, перекрываются выигрышем всего общества от экстерналии, получаемой от развития машиностроения или наукоемких производств. Протекционизм валютного курса (накопление валютных резервов) оказывается полезным всем развивающимся странам, даже коррумпированным, так как занижение курса может иметь тот же экстернальный эффект, что и таможенный протекционизм, но в отличие от последнего это неселективная политика, то есть она не требует честного бюрократа для правильного установления пошлин на разные статьи импорта⁴.

То же с приватизацией. Даже если в развитых странах частная собственность более эффективна, чем государственная, то в развивающихся госпредприятия все равно могут быть предпочтительнее, поскольку исполнение контрактов при плохих институтах оставляет желать лучшего, а приватизация способствует обогащению олигархов, особенно в странах с ресурсными богатствами⁵.

Вряд ли можно сформулировать и вечные принципы оптимальной макроэкономической политики для всех стран. Оптимальные (с точки зрения долгосрочного роста производства) темпы инфляции оказываются различными для разных

---

⁴ Полтерович В., Попов В. Эволюционная теория экономической политики. Часть первая. Опыт быстрого развития // Вопросы экономики. 2006. № 7; Часть вторая. Необходимость своевременного переключения // Вопросы экономики. 2006. № 8. См. также: Полтерович В. М., Попов В. В., Тонис А. В. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2007.

⁵ Chang H.-J. State Owned Enterprise Reform // UN DESA Policy Note. 2007 (Desa.un.org/techcoop/documents/PN_SOERreformNote.pdf).

стран с неодинаковой гибкостью цен и конкурентной структурой рынков⁶. Такие валютные режимы, как валютное управление или фиксированный валютный курс, подходят одним странам и не подходят другим⁷.

В общем, оптимальное соотношение рынка и госрегулирования различно на разных стадиях развития. Почему экономическая либерализация «сработала» в странах Восточной Европы и Китае и «не сработала» в СНГ? Секрет китайского успеха состоит в том, что там она не сопровождалась разрушением госинститутов, как в большинстве стран бывшего СССР. Бесценное наследие «великого кормчего» в виде эффективных госинститутов в Китае бережно сохранили: несмотря на рост неравенства доходов и преступности в ходе экономической либерализации, институциональный потенциал китайского государства остается недостижимым для большинства стран мира⁸.

Экономическая же либерализация в России и других странах СНГ, к сожалению, сопровождалась подрывом государственных институтов: доля госрасходов в ВВП резко снизилась, эффективность расходования бюджетных средств упала, так как возросла коррупция. Снижению доли

---

⁶ Полтерович В. М. Снижение инфляции не должно быть главной целью экономической политики Правительства России. Записка в Правительство РФ, 2 апр. 2006 г. www.cemi.rssi.ru/rus/publicat/e-pubs/polterov/2006-1.pdf.

⁷ Монтес М., Попов В. «Азиатский вирус» или «голландская болезнь». Теория и история валютных кризисов. М.: Дело, 1999; Попов В. В. Воспоминания о будущем: второе издание драмы «кризис 1998 года» // Журнал Новой экономической ассоциации. 2009. № 1–2.

⁸ Попов В. В. Три капельки воды: заметки некитаиста о Китае. М.: Дело, 2002; Popov V. [China's Rise in the Medium Term Perspective: An Interpretation of Differences in Economic Performance of China and Russia since 1949 // História e Economia Revista Interdisciplinar. 2007. Vol. 3, No 1.](#)

госдоходов и госрасходов в ВВП практически везде сопутствовало увеличение удельного веса теневой экономики.

Разумеется, сохранение большого государства в переходный период не может быть абсолютной гарантией благоприятной динамики производства (требуются и другие условия, в частности, эффективное расходование государственных средств). Однако резкое сокращение госрасходов – верный путь к коллапсу институтов и глубокому падению производства, сопровождающемуся углублением социального неравенства и макроэкономическим популизмом⁹. «Не может быть сомнения в том, – писал Колодко в своей предыдущей книге 10-летней давности, – что в начале переходного периода существовала причинная связь между сокращением размеров правительства и существенным снижением выпуска»¹⁰.

Один из объективных показателей силы институтов, если понимать институциональный потенциал государства как способность добиваться выполнения своих законов и предписаний, – уровень преступности. Причем ориентироваться следует на уровень тяжких преступлений (убийств), поскольку практически во всех странах они регистрируются лучше, чем обычные.

В России к середине 1990-х годов уровень преступности повысился в два раза по сравнению с дореформенным периодом, уровень убийств – в три с лишним раза, с менее

---

⁹ Попов В. Экономическая динамика при переходе к рынку: влияние исходных условий и экономической политики // Вопросы экономики. 1998. №7; Попов В. Сильные институты важнее скорости реформ // Вопросы экономики. 1998. №. 8; Попов В. [Шокотерапия против градуализма 15 лет спустя: почему динамика производства в странах с переходной экономикой была неодинаковой](#) // Вопросы экономики. 2007. № 5.

¹⁰ Kolodko G. W. From Shock to Therapy. Political Economy of Postsocialist Transformation. Oxford–New York: Oxford University Press, 2003. P. 259.

10 до более 30 (!) на 100 тыс. населения против 1–2 в странах Восточной и Западной Европы, в Японии и Китае, в Израиле и на Маврикии. Более высокий, чем в России, уровень убийств наблюдался только в Колумбии и Южной Африке, а в Бразилии и Мексике он был почти вдвое ниже. По сравнению с российским даже американский показатель, самый высокий среди западных стран – 6–7 убийств на 100 тыс. населения – кажется низким¹¹. К 2008 г. уровень убийств в России снизился до 20 на 100 тыс. населения, но по-прежнему остается одним из самых высоких в мире.

В Китае за период реформ данный показатель тоже возрос – с 1,5 на 100 тыс. населения в 1987 г. до 2,5 сегодня, тем не менее он на порядок ниже, чем в России¹². То же относится и к масштабам теневой экономики (другой объективный показатель силы госинститутов) – около 20% ВВП в Китае против 50% у нас, и к уровню коррупции. В 1980-85гг. по уровню коррупции Советский Союз, как и Китай, находился в середине списка из 54 стран, обладая более чистой бюрократией, чем Италия, Греция, Португалия, Южная Корея и практически все развивающиеся страны. В 1996г., после утверждения рыночной экономики и победы демократии, Россия в этом же списке из 54 стран заняла 48 место между Индией и Венесуэлой. В Китае коррупция тоже возросла, но существенно меньше, чем в России.

Почему же в коммунистическом Китае институты были лучше советских, а в сегодняшнем Китае – лучше российских?

---

¹¹ *Popov V.* [Russia Redux? // New Left Review. 2007.](#) Vol. 44, March–April.

¹² WHO Health for All Database, 2004. В период правления Мао (1949–1976) он был еще ниже, чем в 1987 г. Национальных данных об уровне преступности и убийств в этот период нет, но есть данные по некоторым провинциям: например, в провинции Шаньдун в 1970-е годы уровень убийств составлял менее 1 на 100 тыс. населения (Shandong Province data base [Shandong sheng shengqing ziliaoku - www.infobase.gov.cn/bin/mse.exe?seachword=&K=a&A=16&rec=42&run=13 http://bbs.tiexue.net/post_1207004_1.html].

Вопросы остаются: развитие, предопределенное прошлым?

Здесь мы, наконец, подошли к главному вопросу, не позволяющему сформулировать универсальные рецепты «экономического чуда». Почему Китай и страны Центральной Европы смогли сохранить сильные институты при экономической либерализации, а Россия «выплеснула из ванны ребенка вместе с водой», подорвав институциональный потенциал государства на многие годы, а то и на десятилетия вперед? Во многом дело в том, что демократизация в Китае проводится исключительно медленно, что не ведет к разрушению институтов, как в других странах с низким уровнем правопорядка¹³. Но это только часть объяснения. Ведь есть примеры, хоть и редкие, сохранения институционального потенциала при демократизации и отсутствии сильных институтов (Япония после Второй мировой войны, Ботсвана и Маврикий с конца 1960-х годов, после получения независимости). В то же время среди развивающихся стран с авторитарными режимами наблюдаются огромные различия в качестве институтов: в дореформенном Китае – менее 1 убийства на 100 тыс. населения, а во многих авторитарных странах Черной Африки – 20 и более.

Более того, и в Китае, и в странах Восточной Европы при экономической либерализации отмечался значительный рост неравенства и преступности. В Китае без всякого падения производства неравенство в распределении доходов выросло не меньше, чем в России (см. рис. 5) и больше, чем в странах Восточной Европы. А по числу миллиардеров (40 в 2008 г.) Китай хоть и отстает от России (86), но при таких темпах роста –

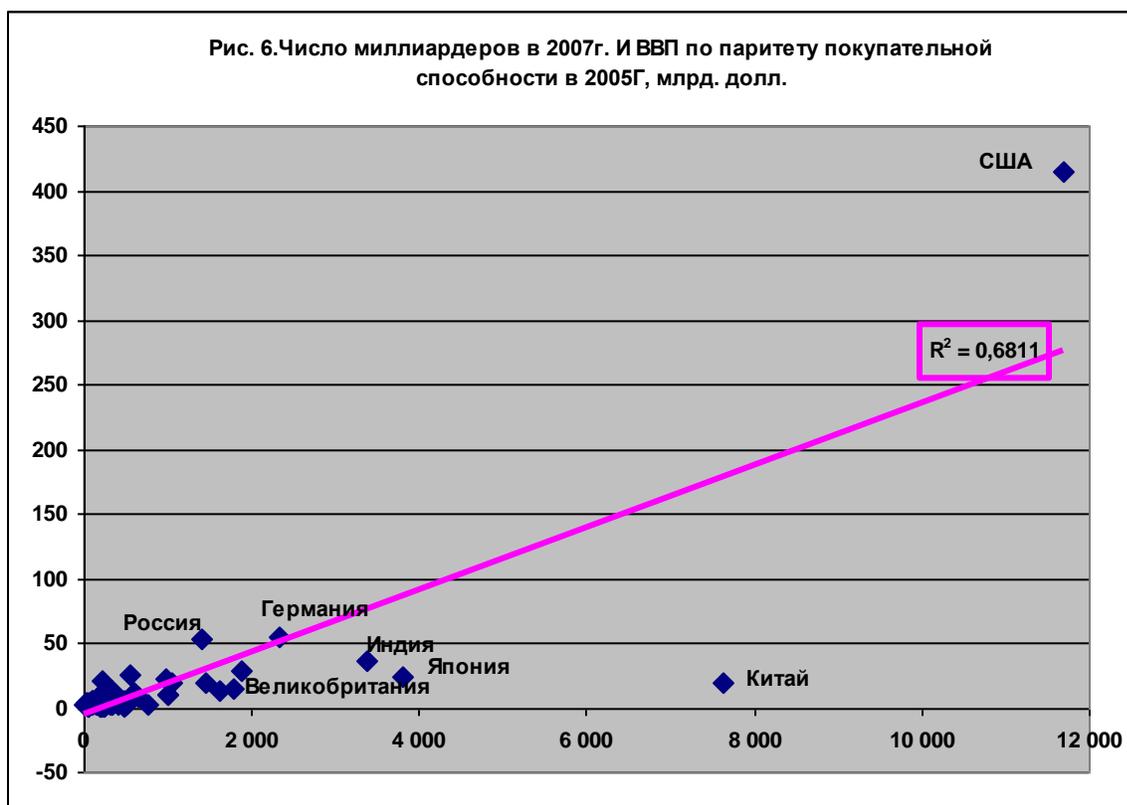
¹³ Полтерович В. М., Попов В. В. Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 13–27.

путь с нуля в 1990-е годы до сегодняшнего уровня пройден всего за 10 лет (см. рис. б) – видимо, скоро ее опередит.

Источники: Росстат; *Chen J., Hou W., Jin Sh.* The Effects of Population on Income Disparity in a Dual Society: Evidence from China / 2008 Chinese (UK) Economic Association Annual Conference at Cambridge, UK and the 2008 Hong Kong Economic Association Fifth Biennial Conference at Chengdu, China.

Рис. 5

Источники: Forbes, World Development Indicators.

Рис. 6

Неравномерное распределение доходов, как известно, отрицательно сказывается на экономическом росте как потому, что ухудшает инвестиционный климат¹⁴, так и потому что ведет к образованию групп давления, противодействующих структурным реформам и макростабилизации¹⁵. Кроме того, социальное неравенство питает

¹⁴ Alesina A., Perotti R. Income Distribution, Political Instability, and Investment // European Economic Review. 1996. Vol. 40. P. 1203–1228; Alesina A., Rodrik D. Distributive Politics and Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 1994. Vol. 109, No 2. P. 465–490.

¹⁵ Fernandez R., Rodrik D. Resistance to Reform: Status Quo Bias in the Presence of Individual Specific Uncertainty // American Economic Review. 1991. Vol. 81, No 5. P. 1146–

макроэкономический популизм – перераспределение доходов от конкурентоспособных секторов к неконкурентоспособным, от успешных предприятий к неудачникам, от богатых к бедным¹⁶.

Почему при одинаковом росте неравенства государственные институты в России оказались «приватизированными», коррумпированными и неэффективными, а в Китае сохранили свою действенность? Почему пресловутая дэнсяопиновская кошка неизвестной масти, но известной нам квалификации, как говорит Колодко, поймала столько мышей (с. 416)?

На указанный вопрос в книге Колодко, как и во многих других книгах, однозначного ответа нет – исследователям еще предстоит это выяснить. Скорее всего дело здесь, видимо, в традициях – неформальных институтах, «азиатских ценностях», которые определяются как примат интересов общины над интересами индивидуума. Собственно, то, что сегодня называют «азиатскими ценностями», до протестантизма XVI в. было универсальным принципом всего человечества: никакого примата интересов индивидуума над интересами общества до того времени не существовало. Вспомните «Ветхий Завет» – сколько людей, своих и чужих, погубил Моисей во имя высшей божественной цели привести соплеменников в «землю обетованную» и породить от них «народ сильный и многочисленный». Тогда нациям приходилось выживать в трудной борьбе с врагами. Какие уж тут права человека, когда фараон по пятам гонится...

Запад первым вырвался из мальтузианской ловушки роста: сбережений и инвестиций при низком уровне развития хватало только на то, чтобы

1155; *Persson T., Tabellini G.* Is Inequality Harmful for Growth? // *American Economic Review*. 1994. Vol. 84, No 3. P. 600–621.

¹⁶ *Kaufman R., Stallings B.* The Political Economy of Latin American Populism // *Macroeconomics of Populism in Latin America* / R. Dornbush, S. Edwards (eds.). Chicago and London, 1991.

создать новые рабочие места, но не на повышение капиталовооруженности, от которой зависит производительность труда. Одно время казалось, что Запад, сделавший ставку на личную свободу и права человека, сумел обогнать все другие цивилизации и экономически, и в военном и культурном отношении, так что им оставалось только подражать ему, чтобы добиться таких же успехов.

Однако выяснилось, что подражание, вольное или невольное (колониализм), было не очень продуктивным: разрыв в уровнях развития развитых и развивающихся стран рос до середины XX века. Новый подъем стран Восточной Азии в послевоенный период, особенно Китая, заставляет думать, что в соревновании цивилизаций еще рано ставить точку. Китаю (а раньше – другим странам региона, основанным на китайской культуре, – Японии, Корее, Тайваню, странам ЮВА) удалось в послевоенный период повысить годовые темпы роста до 7–10% и поддерживать их в течение нескольких десятилетий. В итоге Восточная Азия во второй половине XX в. стала, по сути, единственным крупным регионом, который сумел сократить разрыв в уровне экономического развития с Западом.

Конечно, в 1950–1970-е годы СССР и страны Восточной Европы, а также Латинской Америки тоже сокращали разрыв с Западом. Но затем их модель импортозамещающего развития с треском развалилась: в Латинской Америке – после долгового кризиса начала 1980-х годов, в СССР и Восточной Европе – в 1990-е годы, когда они пережили падение производства, сравнимое только с Великой депрессией 1930-х годов.

Собственно, только в Восточной Азии и находятся страны, которые смогли превратиться из развивающихся в развитые: Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг. Два последних случая можно списать на малые масштабы – это города, а не страны, но как объяснить первые три? Тем более

теперь, когда по стопам этих стран идет Китай, в котором проживает пятая часть мирового населения. Кроме того, не только темпы экономического роста в Восточной Азии были выше, чем в остальном мире, но и социальное неравенство было меньше, чем в схожих по уровню развития странах, преступность – ниже, продолжительность жизни – выше.

Успехи Японии, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура и Гонконга иногда объясняют тем, что США и другие западные государства, стремясь противостоять распространению коммунизма в Азии, «пригласили» их в клуб развитых стран и всемерно способствовали их быстрому росту (*development by invitation*). Так ли это – вопрос спорный, но вряд ли можно спорить с тем, что Китай такого приглашения не получал и его быстрый рост произошел не благодаря, а вопреки политике Запада.

Почему же странам Восточной Азии удалось сделать то, что другим развивающимся странам до сих пор не удавалось? Объяснение, возможно, заключается в том, что они нашли другой выход из мальтузианской ловушки: не болезненное перераспределение национального дохода в пользу инвестиций через увеличение доходного неравенства на низких стадиях развития, что чревато разрушением институтов и торможением роста, а *естественное увеличение доли накопления по мере повышения технического уровня производства без отказа от коллективистских, «азиатских», ценностей и разрушения институтов.*

Это, конечно, только гипотеза, которую надо проверять и доказывать, но она связана с кардинальным вопросом теории развития. Если она верна, то преимущество в будущем получат те развивающиеся страны, которые сохранили преемственность традиционных институтов в большей степени, чем другие, – Индия, мусульманские страны Ближнего Востока и Северной Африки. Турция, Иран, Египет – вот где надо ждать новых «экономических

чудес». Напротив, страны, растерявшие свои «азиатские ценности» (то ли под нажимом Запада, распространявшего новую индивидуалистическую цивилизацию на весь мир, то ли добровольно трансплантировавшие западные институты в надежде стать такими же развитыми), – Латинская Америка, Черная Африка и СНГ, видимо, будут и дальше отставать от развитых, если не случится что-то непредвиденное.

В этом – еще одно, вероятно, самое важное, объяснение того, почему одна и та же политика может приводить к противоположным результатам, а разная – к одинаковым: к успеху ведет множество путей, причем свернуть с раз выбранного порой невозможно или очень накладно. Колодко цитирует Д. Родрика и др.¹⁷, которые пишут, что надо, наконец, позволить расцвести тысяче моделей роста (с. 417). Невольно напрашивается аналогия со словами В. И. Ленина: « все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково...»¹⁸. Какая-то «дорога к храму» окажется короче и дешевле, другие – длиннее и дороже (и в плане потери темпов роста, и в смысле потери человеческих жизней), но это не значит, что все страны должны непременно свернуть на самый короткий путь и, выстроившись гуськом, маршировать в ногу вперед к счастью. Издержки перехода с одной траектории развития на другую могут быть запредельно высокими; более того, сам такой переход может быть нереален, а соответствующие попытки раньше или позже закончатся возвращением в прежнюю колею.

---

¹⁷ *Rodrik D., Hausmann R., Velasco A. Growth Diagnostics. 2005* (ksghome.harvard.edu/~drodrik/barcelonafinalmarch2005.pdf).

¹⁸ *Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме».* ПСС, т. 30. С. 77–85.